

АНДРЕЙ ФУРСОВ

РОССИЯ, МИР, БУДУЩЕЕ

Наш собеседник — известный русский историк, общественвед и публицист, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, автор 400 публикаций (включая 11 монографий), член Союза писателей России.

— Андрей Ильич, начнём издаেকে. Ваши первые большие работы датированы рубежом 90-х — нулевых годов. Когда к Вам начало приходить понимание того, что же произошло в 1991 году, хотя мы теперь прекрасно знаем, что всё начиналось гораздо раньше..?

— Начну с того, что мои первые крупные работы появились не на рубеже 90-х и нулевых, а в середине 1980-х годов. В начале 1990-х я написал две большие работы — “Кратократия” и английскую версию “Колоколов Истории”. Тогда я занимался проблемой социальной природы советского общества и его господствующей группы — номенклатуры. Результатом стала работа “Кратократия”, опубликованная в двух десятках номеров журнала “Социум” в 1991–1993 годах и ставшая с тех пор библиографической редкостью. В конце 1980-х меня интересовал генезис и нормальное функционирование номенклатуры, её базовые противоречия. Осмысление того, как эти противоречия, породившие структурный кризис 1970-х — начала 1980-х годов, превратили его в конце 1988 — начале 1989 года в системный, пришло позже. Значительную роль в осмыслении сыграло то, что в 1993–1994 годах я работал в США и во Франции и, с одной стороны, смотрел на ситуацию в РФ извне, а с другой — наблюдал за реакцией Запада (СМИ, политики, профессура) на происходящее в России.

Кроме того, очень важно следующее: взгляд со стороны позволил увязать события в СССР и в РФ на рубеже 1980–1990-х годов с тем, что происходило на Западе, в ядре капиталистической системы. Разрушение СССР — не изолированное событие, это центральный элемент в историческом переломе, верхняя точка хронологического водораздела, суть которого в том, что это уже не XX век, но ещё не XXI. Результатом анализа советского социума не только самого по себе, но и в качестве элемента мировой системы, в качестве системного антикапитализма стала краткая версия работы “Колокола Истории: капитализм и коммунизм в XX веке”, написанная весной 1994 года по-английски и отчасти по-французски. В 1996 году я начал делать русскую версию и лишний раз убедился в справедливости мысли автора “Крёстного отца” Марио Пьюзо: “Rewriting is a whole secret to writing”. То есть, грубо говоря, переписывание — это написание совершенно новой вещи. В результате из 160 страниц англо-французского текста получилась 460-страничная книга, совершенно новая.

В “Колоколах...” я писал о том, что разрушение системного антикапитализма, которым был СССР, — это очевидное начало конца капитализма, показатель его быстрого приближения к историческому финалу, предвестник тяжелейшего системного, терминального кризиса. В 1996 году такой прогноз вызывал, мягко говоря, удивление, однако в 2008-м ситуация изменилась.

Методологически эта работа в основном — побочный продукт “Кратократии” и “Колоколов...”. Уже в конце 2001 года я переосмыслил целый ряд положений “Русской системы”, доведя её до XX века. В переосмыслении, написанном осенью 2001 года, большое место занял анализ феноменов опричнины и сталинской системы.

— **Скажите, существовала ли за всю историю социализма альтернатива сталинскому проекту?**

— Я бы добавил к Вашему вопросу ещё один: существовала ли в России 1920–1930-х годов альтернатива сталинскому проекту как реальной форме воплощения системного антикапитализма?

Социалистический мир в XX веке на планете Земля возник как расширение и продолжение сталинского проекта. Никакой другой социалистический проект самостоятельно не реализовался. Другое дело, что вплоть до 1948 года, когда США начали реализацию плана Маршалла, то есть экономического оргорурия, прямо направленного на закабаление Европы и косвенно — против СССР, Сталин был противником социализации Восточной Европы, не говоря уже о Западной (Франция, Италия); тактически его больше устраивали умеренно левые буржуазно-националистические режимы, дружественные по отношению к СССР. Однако 1948 год всё изменил; затем в 1949–1950 годах ЦРУ провело спланированную Алленом Даллесом операцию “Split”, подтолкнув советские спецслужбы к уничтожению умеренных коммунистов в восточноевропейских странах; в СССР суть провокации поняли слишком поздно.

Что касается нашей ситуации 1920–1930-х годов, то вопрос стоял очень просто: **либо** СССР, подобно позднесоветской России, остаётся сырьевым придатком Запада с отчётливыми перспективами установления над ним внешнего контроля, распада страны и — в конечном счёте — физического и метафизического исчезновения русского народа и других коренных народов России; **либо** СССР стремительно, в течение 10 лет, превращается в военно-промышленного гиганта, в один из центров мирового индустриального развития, что и было сделано к концу 1930-х годов. Средства жестокие: коллективизация и индустриализация, проходившие внутри страны на фоне холодной гражданской войны и острой, смертельной борьбы внутри правящего слоя, вне её — на фоне обострения межимпериалистических противоречий и стремления западных хищников, прежде всего британских (а также немецких), решить свои проблемы за счёт России. Но иначе и нельзя было в жестоком мире, окружавшем СССР. Речь шла о выживании русского народа во враждебном капиталистическом окружении. Сталинская система была средством этого выживания. Альтернативы — бухаринский ублюдочный капитализм и перманентная мировая революция Троцкого — вели СССР к гибели. Кроме того, сталинскому режиму пришлось в сжатые сроки хирургически решать те задачи, которые самодержавие не могло или не хотело решать терапевтически за предыдущую сотню лет.

— **А цена выживания?**

— У выживания одна цена — само выживание, это всегда дорого стоит. Но не настолько дорого, как в этом старались и стараются нас убедить лживые антисоветчики-вруны типа Конквеста или Солженицына и их бездарные последователи со своими фальшивыми якобы квазиисторическими “хрониками”.

Да, более 4,5 миллиона человек, прошедших через лагерь в период с 1922 по 1953 год, — это немало, но это не десятки миллионов, о которых нам врут. Кроме того, не всё просто и с четырьмя с половиной миллионами: далеко не все из них сидели по политическим статьям, хватало обычных уголовников; расстреляно и умерло в лагерях чуть более миллиона. Количество “жертв режима” антисоветчики постоянно преувеличивают, лгут по поводу числа репрессированных в армии в канун Великой Отечественной, по поводу штрафников, по поводу побывавших в плену. Нас, в частности, пытаются убедить, что всех побывавших в плену после проверки злодеи-энкаведешники ставили к стенке или — в лучшем случае — отправляли в лагерь. Цифры говорят совершенно об ином: 91,7% благополучно прошли проверку, 3,2% направлены в штрафбаты, арестованы 4,4%, умерли — 0,7%. Элементарный непредвзятый анализ ломает антисоветское враньё на раз.

– **Вы пишете о базовых противоречиях коммунизма как системы. Они касаются только шкурных вопросов, в них совершенно нет идеологии? Это доказывает то, что правящий класс, а он всегда опирается на интеллигенцию, мечтает только о шкурном интересе? Можно ли из этого сделать вывод, что исторический коммунизм был обречён?**

– Во-первых, никакой господствующий класс или слой никогда не опирается на интеллигенцию; последняя является либо его функцией, что бы она о себе ни думала, либо существует в порах социума. Во-вторых, идеология это и есть идейно закамуфлированный под общий интерес шкурный интерес господствующего слоя. В-третьих, не стоит вслед за интеллигенцией и вообще интеллектуалами преувеличивать значение идеологии в жизни общества, особенно низов и верхов. Как заметил Дж. Оруэлл, если для интеллектуала социализм – это вопрос теории, то для работника – это лишняя бутылка молока для его ребёнка. А для представителя верхов, добавлю я, это вопрос власти, которую интеллектуальная обслуга должна обосновать. В-четвёртых, обречены – в том смысле, что, раз возникнув, когда-то умрут, – все социальные системы; вечных систем нет.

Советский коммунизм, возникший как двойное отрицание-преодоление – самодержавия и капитализма – просуществовал 70 лет (что само по себе очень немало по масштабам и скоростям XX в.), а его гибель не была естественной смертью от системной старости. Структурный кризис 1970-х – начала 1980-х годов горбачёвская “команда”, за которой скрывались советские и западные кукловоды, превратили в системный. При этом даже в 1988 – начале 1989 года точка возврата формально (по крайней мере, с экономической точки зрения) не была пройдена. Приглашённый горбачёвской шайкой именно в это время нобелевский лауреат по экономике Василий Леонтьев не оправдал надежд “приглашающей стороны”: он заявил, что у экономики СССР есть ряд серьёзных **структурных** проблем, но нет ни одной **системной**, требующей изменения системы в целом. А ведь именно системная трансформация была целью кластера интересов, представленного частью номенклатуры, госбезопасности, теневиков. Мало кто из них стремился разрушить СССР (разве что прямая западная агентура глубокого, со времён Коминтерна, залегания и их “питомцы”, вышедшие на сцену в 1950–1960-е годы); речь шла о смене строя с обязательным оттеснением КПСС от власти, однако это было невозможно без помощи со стороны определённых кругов Запада, которые играли свою игру – ставили на разрушение не только строя, но и советской державы как исторической формы существования России.

В 1989 году западные поделщики перехватили процесс управляемого хаоса у советских контрагентов, слепили новую (ельцинскую) команду (взамен горбачёвской), целью которой было разрушение СССР, недаром Мадлен Олбрайт главное достижение Буша-старшего обозначила как управление разрушением Советского Союза. Добавлю: разрушением-ограблением России занялась уже другая бригада, выступившая контрагентом новой – клинтоновской – команды, победившей в 1992 году на выборах в США. Надо также отметить, что сам структурный кризис и военно-техническое ослабление СССР как необходимые условия победы Запада были следствием целого ряда внешне непродуманных и случайных (но на самом деле являющихся продуманными, “проектными случайностями”) решений советского руководства в области военно-технического и технико-экономического развития СССР между 1965 и 1975 годами. Эти решения, по сути, спасли Запад и, прежде всего, США тогда, когда СССР мог если не раз и навсегда, то надолго уйти в отрыв и обеспечить себе военно-техническое господство на планете на много десятилетий.

– **Вы подчёркиваете, что корпоративные интересы властной верхушки в СССР начали складываться ещё в начале 60-х годов. В частности, вопрос сверхвыгодной торговли советской нефтью за валюту...**

– Торговля нефтью стала лишь точкой роста, с которой стартвало формирование кластера интересов определённой группы советской номенклатуры, превратившейся, по крайней мере функционально, в советский сегмент (прото)глобальной корпоратократии. Но было и другое: вывоз и размещение на Западе советской верхушкой активов, которые невозможно было хранить в СССР, – драгметаллы, предметы искусства, рублёвая масса, валюта и т. п. Ясно, что ценой были некие компромиссы, и эта линия взаимодействия (в том числе и через сеть совзагранбанков) определённых сегментов советской и западной верхушек была по-своему не менее важна, чем сырьевая.

– **А корпоратократия – это что за “птица”?**

– Корпоратократия – это молодая и хищная фракция мирового капиталистического класса, которая стала быстро формироваться после окончания Второй мировой войны. Речь идёт о той части буржуазии, бюрократии и спецслужб, которые тесно связаны с транснациональными корпорациями и интересы этих последних выражают в большей степени, чем интересы государства. Государственно-монополистическая буржуазия, завязанная на государство, а следовательно, в определённой степени ограниченная – при всём мировом характере капитализма – государственными рамками, была готова к относительно длительному сосуществованию с социалистическим миром, стремясь, в конечном счёте, к его уничтожению. В отличие от этого корпоратократия исходно возникла как агент глобального, а не просто международного масштаба, эдакие глобалисты до глобализации. В планах их “прекрасного нового мира” места системному антикапитализму – СССР, мировой системе социализма – не было. Корпоратократия была заточена на глобальную экспансию, причём не столько по линии государственной (государству отводилась, прежде всего, роль военного кулака), сколько надгосударственной, транснациональной – корпоративной, рассекавшей на сегменты целые страны, классы, слои.

Корпоратократия вступила в политико-экономическую борьбу за власть с госмонополистической буржуазией. Первым главным театром “военных действий” стали США. В результате ползучего переворота, начавшегося убийством Джона Кеннеди (1963) и завершившегося импичментом Ричарда Никсона (1974), корпоратократия пришла к власти, посадив в 1976 году в Белый дом своего человека – незадачливого Джимми Картера. Разумеется, эта победа, перелом середины 1970-х годов во внутрикапиталистической борьбе была победой не нокаутом, а по очкам, то есть достигнута на основе компромисса, как это обычно бывает в столкновениях на самом верху; плоды компромисса можно увидеть в последовавших за Картером президентствах.

Однако ещё раньше, чем был свергнут Никсон – последний президент США как в большей степени государства, чем в большей степени кластера транснациональных корпораций, – корпоратократия начала осваивать советскую зону.

С конца 1950-х годов СССР сначала по политическим (“удар по реакционным арабским режимам”), а затем всё больше по экономическим причинам резко активизировал торговлю сырьём – нефтью, а затем газом. Так началась интеграция небольшого, но приобретавшего всё большее влияние сегмента номенклатуры в мировой рынок, на котором всё большую роль играли ТНК и корпоратократы. Так начиналось формирование советского сегмента корпоратократии (часть номенклатуры, госбезопасности), и неважно, что она была невелика по численности, ведь “мир – понятие не количественное, а качественное”, как говаривал А. Эйнштейн, к тому же нужно учитывать сверхцентрализованный характер власти в СССР и возможности тех, кто наверху; недаром позднее один из “прорабов перестройки” А. Н. Яковлев скажет, что их планом было разрушение коммунизма с помощью “дисциплины тоталитарной партии”. Нужно лишь оказать влияние у рычагов этой дисциплины или внушить определённые идеи тем, кто эти рычаги двигал, например, Л. И. Брежневу, его ближайшему окружению, его клану.

В середине 1970-х годов в СССР пришли незапланированные огромные деньги (что-то около 170–180 млрд долларов, то есть около 1 трлн по нынешней стоимости доллара) – результат хорошо организованного корпоратократией, причём не только западной (думаю, без её советских контрагентов дело не обошлось), нефтяного кризиса 1973 года. Эти деньги стали фундаментом дальнейшего развития-подъёма советского сегмента корпоратократии и одновременно её орудием в борьбе за власть в КПСС и против КПСС. Именно в середине 1970-х годов в СССР (тоже своеобразный перелом, практически синхронный тому, что произошёл на Западе, в США, что едва ли могло быть случайностью) началось формирование той бригады, которая спустя десятилетие вплотную приступит к демонтажу советской системы. В этом плане очень интересно и поучительно внимательное, пристальное чтение мемуаров перестроечной шайки – поделльников и особенно советников Горбачёва. Они, по-видимому, уже ничего не боятся и начали, подобно отловленным Дуремаром насосавшимся крови пиявкам, “много болтать”. Тогда же, в середине 1970-х, началось постепенное раскачивание Средней Азии спецслужбами США и некоторых ближневосточных государств. Это тоже был курс на разру-

шение СССР, только извне, с юга, с использованием исламского фактора. Поворотным моментом здесь стало втягивание СССР в афганскую авантюру заинтересованными группами в самом СССР и за рубежом.

В плане будущего разрушения СССР формирование советского сегмента корпоратократии было важно тем, что подводило политико-экономическую базу под действия тех лиц, а точнее – групп, которые давно, ещё со сталинского поворота в сторону “красной империи” работали против советского, сталинского проекта, опираясь на Запад, будь то на “левых глобалистов” коминтерновского типа или на различные структуры верхушки мирового капиталистического класса. До формирования совкорпоратократии эта публика, невычищенная до конца в 1930-е годы и подготовившая себе смену – второе поколение антисистемщиков в высших эшелонах власти, – политико-экономическую базу имела только за пределами СССР; в 1970-е годы эта база формировалась уже внутри СССР, став *locus standi* и *field of employment* для тех, кто десятилетиями имел свою паутину наверху советской властной пирамиды.

Разумеется, главным образом это были лица не первого уровня, хотя здесь возможны и исключения. Речь должна идти об уровне реальной оперативной власти – среднем, причём таком, который давал выход одновременно на экономику (“хозструктуры” ЦК КПСС и соответствующие управления КГБ, последние в данном случае не могли не столкнуться с МВД), на внешний мир (международный отдел ЦК КПСС и опять же определённые управления КГБ, которые в данном случае не могли не столкнуться с ГРУ) и на криминальную среду, в которую необходимо было заслать свою агентуру, одновременно противодействуя тому же МВД.

– Перенесёмся из 1980-х в 1930-е годы. Скажите, Андрей Ильич, когда вы рассматриваете эту эпоху, то, в отличие от многих историков, смело употребляете слова “террор” и “репрессии”. Для большинства же из них речь идёт исключительно о борьбе с врагами народа. Для Вас в этом нет противоречия?

– Нет, противоречия не вижу. Подавление врага, тем более “пятой колонны”, всегда предполагает репрессии большего или меньшего масштаба, большей или меньшей степени жёсткости. Важно, кто объект этих действий, кто субъект и какова цель. Уинстон Черчилль специально подчеркнул, что одна из причин победы СССР в Великой Отечественной войне заключается в том, что в самый канун войны была разгромлена “пятая колонна”. Впрочем, добавлю я, как показала послевоенная история, не до конца.

Разумеется, сводить так называемые “сталинские репрессии” к борьбе с “пятой колонной” было бы ошибочно.

– Почему “так называемые”?

– Потому что послевоенная номенклатура, в том числе и та её часть, у которой, как у Хрущёва, руки были по локоть, а то и по плечи в крови, решила свалить всё на одного человека (такого в реальности не бывает), а всю сложность властных и социальных процессов свести к репрессиям, обозвав их сталинскими. Ну, а “шестидесятники” и диссиденты эту интерпретацию радостно подхватили под аплодисменты противников СССР на Западе. В реальности 1922–1939 годы – это время *холодной гражданской войны*, пришедшей на смену “горячей” и ставшей её продолжением. У этого продолжения несколько аспектов. Аспект № 1 – подавление тех групп, которые реально противостояли строительству социализма. Аспект № 2 – борьба за место под властным солнцем среди самих победителей. Два эти процесса, переплетаясь, били со страшной силой и по невиновным. Аспект № 3 – конкретная властная и социальная ситуации второй половины 1930-х годов. Сталин, стремясь расширить и укрепить социальную базу режима, попытался ввести в будущую конституцию положение об альтернативных выборах. И потерпел поражение от собственного же Политбюро – это хорошо показал в своих работах историк Юрий Жуков. Проблема, однако, не ограничивалась Политбюро. “Региональные бароны” типа Эйхе, Хрущёва, Постышева и других, понимая, чем может им грозить подобное расширение социальной базы (“народ может выбрать детей помещиков, попов и капиталистов”), не просто оказали сопротивление Сталину, но развернули наступление, потребовав репрессий против “антисоветских элементов”. Наступавших – “детей XVII съезда ВКП(б)” – было большинство, и если бы Сталин не отступил, то запросто сам мог бы оказаться на Лубянке. Однако вождь нашёл асимметричный ответ: в запущенную партверхушку мясорубку репрессий он втянул саму эту верхушку; средство –

ежовщина; а когда задача была решена, место Н. И. Ежова занял Л. П. Берия и началась “бериевская оттепель”.

Таким образом, речь должна идти не о неких “сталинских репрессиях”, а об очень сложном, многослойном, противоречивом и разноскоростном процессе социальной борьбы. Причём массовыми были репрессии, развёрнутые “региональными баронами”, такими “стахановцами террора”, как Эйхе, Хрущёв и др.; репрессии против верхушки носили ограниченно-селективный характер (по сравнению с первым пластом). Кроме социальной борьбы, имела место и экономическая. Я имею в виду борьбу с коррупцией в высших эшелонах власти. По свидетельствам очевидцев, Сталин, присутствуя на допросах представителей партверхушки, всегда задавал им один и тот же вопрос: “Где деньги?”

— **Когда анализируешь дискуссии вокруг террора, складывается впечатление, что у потерпевших и особенно у их родственников к Сталину есть исключительно личные счёты, но никак не исторические и не общественные. И чисто по-человечески их можно понять. Но с другой стороны, стоит лишь спросить себя: “Почему?” — и картина предстаёт под совершенно другим углом зрения. Разумеется, если мы сразу отбросим в сторону глупости по поводу паранойи Сталина и т. д.**

— У разных людей — разные счёты с режимом. Сейчас я много общаюсь с молодёжью и могу утверждать, что в последние 5-6 лет пришло новое поколение, которое, столкнувшись в постсоветской реальности с социальной несправедливостью, незащищённостью, совершенно по-другому относится к сталинской эпохе. И в этом я вижу наглядное проявление именно общественного интереса. Не случайно в телепроекте “Имя Россия” всем было понятно, кто победил. И то, что Сталина “отодвинули”, — это, как пел Галич: “Это рыжий все на публику”. И чтобы не допустить второго прокола, телена начальники подстраховались, и в проекте о военачальниках решили ограничиться полководцами. Если бы этой оговорки не было, опять бы победил товарищ Сталин, потому что он был верховным главнокомандующим в самой главной войне нашей истории.

— **В связи с этим очень интересный вопрос. Не раз слышал от людей вашего поколения, которые открыто признавались, что их отцы, отстаившие Победу, часто люто ненавидели Сталина...**

— Есть такое дело. За примером далеко ходить не надо. Мой отец, закончивший войну заместителем командира дивизии (дальняя авиация) по технической части и расписавшийся на Рейхстаге, не любил Сталина. Ненависти не было, была стойкая нелюбовь, причём возникла она задолго до 1956 года, где-то в конце 1930-х (отец 1912 года рождения), и не исчезла после Победы. Причём в этой нелюбви отец не был одинок. Другое дело, что нелюбовь эта, в отличие от истерик “шестидесятников” и злобного шипения диссидентов, была сдержанной и нешумной, это была нелюбовь победителей к победителю. Причём причина была не столько в репрессиях, сколько в другом. Поколение победителей хотело перемен, тем более что послевоенная эпоха отчётливо выявила кризис сталинской структуры советской системы, её место должна была занять другая структура, и сам Сталин это понимал, хотя, скорее всего, не до конца, что вполне объяснимо: обострение отношений с Западом и осознание того факта, что, несмотря на Победу, впереди — длительная борьба с возглавляемым США коллективным Западом; приход новой эпохи, которую Сталин, будучи продуктом другого времени, понимал не до конца, возраст, перенапряжени военных лет, ухудшение здоровья — всё это делало решения вождя не всегда адекватными. Не всегда “он — верховный” правильно оценивал ситуацию, это была поздняя “осень патриарха”. И тем не менее именно Сталин в 1951-1952 годах заложил фундамент того, что впоследствии назовут “оттепелью” и припишут Хрущёву. Однако изменения шли слишком медленно, а молодые победители спешили жить и вступали в конфликт с системой, которая опасалась их и как молодых, и как военных, и как победителей. А кто виноват в системе со сверхперсонализированной властью? Ясно кто — персонификатор, то есть Сталин. Так по разные стороны оказались две потенциальные силы в борьбе с партноменклатурой. Это была одна из причин, позволившая партаппарату во главе с Хрущёвым не только сохранить позиции, на которые покушался Сталин, но, во-первых, убрать конкурентов — спецслужбы, исполнительную власть, армию; во-вторых, не допустить реальной демократизации советского общества, подменив её

номенклатурной либерализацией, произошедшей после XX съезда КПСС, этих «сатурналий номенклатуры».

– **Что Вы конкретно имеете в виду, говоря об устранении конкурентов?**

– Во главе с Хрущёвым партаппарат последовательно устранил всех системных конкурентов. Внешне это выглядело как личная борьба Хрущёва за власть, и отчасти это действительно было так. Однако главным образом это была форма, которую приняла борьба различных властных структур в СССР и – по всей вероятности – неких зарубежных структур, как государственных, так и надгосударственных, использовавших в своих интересах внутрисоветскую борьбу за власть.

В июне 1953 года был убит Л. П. Берия; это означало, что госбезопасность в качестве конкурента партаппарата была отодвинута в сторону. Падение Г. М. Маленкова в 1954 году означало оттеснение от власти такой структуры, как Совет Министров. Наконец, в 1957 году отстраняют от должности Г. К. Жукова, и во властном офсайде оказывается армия. Всё, полная победа партаппарата, но вскоре Хрущёв понимает: теперь у него нет возможности играть на тех противоречиях, которые существовали в сталинском параллелограмме сил. И он решает провести реформу партии, поделить её на две части: «промышленно-городскую» и «сельскохозяйственно-деревенскую». Именно это стало последней каплей, и в октябре 1964 года Хрущёв был снят в результате партзаговора. Показательно, что собравшийся в ноябре 1964 года пленум ЦК КПСС первым делом отменил реформу партии; другое хрущёвское детище – совнархозы – как менее опасное для партаппарата было ликвидировано позже, в 1965 году.

Однако всё это – 1960-е годы, а вот между 1956-м и 1961-м, именно в правление Хрущёва, произошли важные изменения, направившие вектор развития СССР в ту сторону, где финалом стала горбачёвщина.

– **О чём речь?**

– Речь о решениях XX и XXII съездов КПСС. На XX съезде был провозглашён курс на мирное сосуществование государств с различным социально-экономическим строем. По сути, в перспективе это означало постепенную интеграцию части номенклатуры в мировой рынок, в западную экономику (сырьё, – прежде всего, нефть, – совзагранбанки, игры с драгметаллами и т. п.). На XXII съезде КПСС в новой программе партии наряду с традиционными пассажами о строительстве коммунизма как главной задаче КПСС появился новый тезис: одна из главных задач партии – максимальное удовлетворение растущих материальных потребностей советских граждан. То есть стремящаяся в западopodobный потребленческий «рай» номенклатура оформила себе социальное алиби в качестве одной из целей системы. Так в антикапиталистическую систему стали внедряться рыночные по своей сути критерии, работавшие на превращение советского человека в потребителя. И это при том, что массовый потребленческий спрос система удовлетворить не могла. В этом одна из главных причин роста теневой экономики, тесно связанной с определёнными сегментами партноменклатуры, а также КГБ, и ещё более разлагавшей общество, причём не только социальную ткань, то есть «физику», но также мораль, целеполагание, смыслы, то есть метафизику. Уже спустя десятилетие результаты были налицо: сформировался слой советских «лавочников», живущих, главным образом, на теневой стороне советского общества. Со временем тень перестанет знать своё место и станет питательной средой, почвой, навозом для будущих постсоветских олигархов, то есть воря в особо крупных размерах. Но складывалось всё в 1970-е. Так, Леонид Филатов вспоминает, что к середине 1970-х годов публика Театра на Таганке наполовину состояла из «лавочников» – театр их высмеивал, а в зрительном зале высмеиваемый тип задавал тон.

– **А те, кто их высмеивал, на следующий день шли к ним же в лавку...**

– Разумеется. Шли за импортом – от сервелата, джинсов и прочего шмотья до румынской мебели и автомобилей. Кстати, «Таганка», формально высмеивая мещанство, на самом деле была по советской системе. Надо помнить, из чего выросла «Таганка», кто её курировал, кто сидел в худсовете. Поддержка антисоветчины шла с самого верха, от либерально-глобалистского крыла госбезопасности и номенклатуры. Поэтому, когда сегодня Юрия Любимова пытаются записать в «борцы с тоталитаризмом», ничего кроме смеха это вызвать не может. Ничего себе борец с тоталитаризмом, который сразу

после попытки закрыть спектакль звонит Андропову, и спектакль разрешают. Б. Захава наотрез отказывается выпускать “Доброго человека из Сезуана”, охарактеризовав его антисоветским, но спектакль выходит. Разгромная статья в “Правде” (!) по поводу спектакля “Мастер и Маргарита” – спектакль идёт. История “Таганки” как одного из составных элементов антисоветского проекта части верхов ждёт своего исследователя – там будет немало “открытий чуждых”.

– **Сегодня, внимательно следя за тем, что говорят здравствующие мастера советского искусства, среди которых есть действительно выдающиеся художники, что называется, “на раз” их легко ловишь на противоречиях. Говоря о препятствиях и зажимах, буквально через запятую они сетуют на то, что не видят ничего и близко похожего из созданного в их сферах творчества за последние 25 лет...**

– Данное явление называется когнитивным диссонансом. По сути, это социальная шизофрения. По тому, как те или иные мастера культуры оценивают советское прошлое, при котором большинство из них процветало, легко определить, кто есть кто, а кто был “ху”, так и остался “ху”. Кстати, когнитивный диссонанс – родовая черта так называемых либеральных (“так называемых”, поскольку к реальному либерализму, почившему в бозе в 1910-е годы, всё это не имеет отношения) СМИ. Достаточно послушать, например, ненавидящих всё русское двух особ с “Эха Москвы”, претендующих на рассуждения о культуре и искусстве на ТВ, или двух малообразованных, плохо воспитанных и тоже русофобствующих дам, злословивших на ТВ. Все они говорят о былом (советского времени!) творческом порыве, о духовности, существовавшей до 1991 года, сетуют по поводу нынешнего упадка культуры (привет Швыдкому и К°!) и в то же время поливают грязью советское прошлое. Так и хочется спросить: болезные, как же это получается, что в советском прошлом – духовность и культура, а в ваших замечательных (свобода!) 90-х и нулевых – бескультурие? Где логика? Ненависть мутит разум?

– **Ненависть к советскому прошлому?**

– Да. И надо понимать, что за ненавистью к советской системе скрывается ненависть к России, к русской истории, к русскости.

– **Это то, что называют “национал-предательством либералов”, “нео-западничеством”?**

– В целом – да, но нужно уточнить термины и некоторые моменты. Далеко не всякий либерал – национал-предатель. Русские либералы XIX века Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин предателями России не были. Западник – это не всегда либерал; примеры – В. Г. Белинский, интернационал-социалисты ленинско-троцкистского типа. Правильнее в данном контексте говорить об автофобии – будь то русофобия или советофобия; впрочем, за последней, как правило, скрывается первая. Едва ли можно увидеть корни национал-предательства и автофобии в русском западничестве середины XIX века: от П. Я. Чаадаева до смердяковщины весьма длинная дистанция. Кроме того, те, кого сегодня в РФ именуют либералами, никакого отношения к либерализму не имеют. В своём классическом виде либерализм умер во втором десятилетии XX века. Так называемый неолиберализм так же похож на либерализм, как Граучо Маркс на Карла Маркса. Поэтому правильнее либо брать нынешних российских либералов в кавычки, либо называть их “либерастами”, поскольку их “либерализм” – это вывеска, скрывающая или оправдывающая социал-дарвинистское разграбление и разрушение страны и сокращение её населения в интересах западного капитала.

– **Каковы источники нынешней автофобии?**

– У автофобии, которая в конце XX – начале XXI века приняла форму либерастического национал-предательства, несколько источников. На поверхности лежит смердяковское желание того, чтобы “умная нация” (французы, немцы и т. д.) покорила глупую (русских) в силу своего якобы культурно-исторического превосходства. На первый взгляд, кажется, что речь идёт о цивилизационном превосходстве; на самом деле, в виду имеется бытовой комфорт (“сто сортов сыра и колбасы”), то есть жизнь в соответствии с системой потребностей верхней части Запада капиталистической эпохи. При этом забывается, что в основе этого высокого уровня комфорта, часть которого в XX веке под давлением СССР стала перепадать западным “мидлам” и даже верхушке “пролов” (за что это западное быдло так никогда и не почувствовало благодарности к СССР), лежали благоприятный климат (Гольфстрим), жестокая эксплуатация своих низов и ограбление колоний и полуколоний. Поскольку в России

и у России ничего этого не было, то оформившееся во второй половине XVIII века стремление части российских верхов жить по западной системе потребностей требовало отчуждения у низов не только прибавочного, но и необходимого продукта. Психологическим оправданием этого становилось презрительное отношение к народу, как к “азиатам”, “дикарям” и т. п. В то же время поскольку, во-первых, в России господствующие группы, в отличие от Запада, были функциональными органами власти и зависели от неё; во-вторых, эта центральная власть контролировала их и с конца XVIII века (с Павла I) ограничивала эксплуатацию низов верхами (в своих, разумеется, интересах), а с XIV века ограничивала (как могла) капитал – местный и проникновение чужого, – то объектом автофобии части верхов становился не только народ, но и государство, центрально-верховная власть. В таком отношении данная часть верхов совпадала с определёнными сегментами российского капитала и, конечно же, западного – с обслуживавшими его государствами Запада и хозяевами как этих государств, так и капитала, – закрытыми наднациональными структурами мирового согласования и управления.

Таков вкратце и несколько спрямлённо генезис автофобии в России. Он лишь по форме носит культурно-цивилизационный характер. По сути же это классовое явление, связанное с интеграцией части верхов Большой системы “Россия” в Большую систему “Капитализм” – классовые интересы требуют национально-культурной перекодировки, предатель (как в широком, так и в узком смысле) должен оправдывать предательство и себя ненавистью к объекту предательства. В случае этно-национальной инаковости ненависть может усиливаться многократно. И всё же главное – классовое. Достоверного и русские народные сказки чубайсы ненавидят не столько по национально-культурным причинам (хотя и по ним, по-видимому, тоже), сколько по классовым.

– **Можно ли дать определение авто- (русо-, совето-) фобии?**

– Автофобия – это идейно-поведенческий комплекс тех групп, которые стремятся к таким формам эксплуатации населения, которые сформированы Западом-Капиталом, но запрещены для русской системы работ; всё, что стоит на пути такой эксплуатации, – государство, традиционные русские ценности, определённая численность населения – вызывает у западоидных групп ненависть и, по их мнению, должно быть уничтожено как “отсталое”, “второсортное”, “мешающее прогрессу”, “неоптимальное” и т. п.

Русская революция начала XX века, а затем системный антикапитализм в виде СССР, казалось, должны были покончить с этим, но удалось – в 1930–1950-е годы, то есть в сталинский период – лишь приглушить, подавить, как оказалось – временно. Со второй половины 1950-х годов началась эрозия системного антикапитализма как “системного” и как “анти-”. В номенклатуре к рубежу 1960–1970-х годов сформировался небольшой, но весьма влиятельный, ориентированный на Запад слой, которому само наличие СССР, советской власти мешало превратиться в класс собственников; одно дело тайком размещать на Западе активы, создавать паутину совзагранбанков в обмен на уступки Хозяевам Запада и отказ от прорывных технологий или даже сдачу их врагу с опаской, что возьмут за задницу, и совсем другое – легализоваться в прямом и переносном смысле, демонтировав строй, который основан на отрицании частной собственности и эксплуатации. Отсюда – второе, уже антисоветское пришествие автофобии, тщательно камуфлируемое до поры до времени под пролетарский интернационализм, под нетерпимость к национализму (особенно русскому), ко всему “почвенному”. Показательно, что будущий “прораб перестройки” А. Н. Яковлев впервые засветился статьёй-доносом, направленной против писателей-почвенников.

Так же, как вокруг автофобов эпохи позднего самодержавия сформировался целый слой обслуги (интеллигенция), у автофобов позднего реального социализма, стремившихся превратиться в собственников, сформировалась своя обслуга – так называемые “либералы”; имя им легион – аксёновы, любуимовы, окуджавы и прочие. В виде якобы демократической фронды, “социализма с человеческим лицом” (“уберите Ленина с денег”) все они сознательно или полусознательно работали на слом системы – на будущих собственников и на своё превращение из квазиинтеллигенции в культуру-буржуазию. Социальной базой властно-интеллигентских автофобов в позднем СССР стал активно формировавшийся с 1970-х годов слой советских мещан, лавочников – продукт реформы Косыгина-Либермана. Подчёркиваю тесную связь с оветского мещанина-лавочника 1970–1980-х годов с антисоветчиками-либера-

стами во власти. Пунктиром эта связь наметилась уже в конце XIX века. В “Заметках о мещанстве” Горький чётко её зафиксировал: “Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов”. В позднесоветское время — и во многом именно поэтому оно стало **поздним**, то есть закатным советским — мещанство, социальное лабазничество стало строем души определённой части партноменклатуры и КГБ, членов их семей, особенно третьего советского поколения — (условно) внуков советской верхушки, циничных, шмоточноориентированных, ненавидящих народ и ту власть, которая пусть всё меньше, но выражала интересы простонародья. Как прав оказался Н. Бердяев, заметивший: “Самая зловещая фигура в России (советской. — **А. Ф.**) — это не фигура старого революционера, а фигура молодого человека, внука тех, кто делал революцию”.

1991 год стал триумфом советских лавочников всех уровней и внуков тех, к кому “просто мздой, не наказаньем пришёл... год тридцать седьмой” (Н. Коржавин) — тех, чьи дедушки до чисток 1937-1938 годов руководили НКВД и ГУЛагом и кто после 1991 года очень хотел превратить Россию в либерально-фашистский ГУЛаг. Тот год и последовавшая за ним ельцинщина стали триумфом тёмной стороны советского общества, тени, которая перестала знать своё место.

— **Какова, по-Вашему, цель нынешних автофобов?**

— В сегодняшнем властно-экономическом раскладе постсоветские автофобы ведут дело к ликвидации России как геополитической, культурно-исторической и демографической целостности. Во-первых, в ситуации нынешнего противостояния путинского режима с Западом они рассчитывают, что с помощью Запада устранят последний, пусть слабый, но реально существующий в виде суверенитета политический и правовой барьер на пути полного и бесконтрольного расхищения-эксплуатации русских ресурсов и полного подавления русского народа как культурно-исторического типа. Во-вторых, сокрушение России позволит этой публике спрятать в воду концы своих преступлений, за которые, в случае сохранения РФ и тем более восстановления её мощи, им придётся так или иначе отвечать.

Эти факторы лепят из автофобов почти абсолютных национал-предателей, ненавидящих в лице путинского режима российскую государственность, а в лице народа (“ватники” и т. п.) — всё русское. Опять же по сталинской формуле — национальное по форме, классовое по содержанию.

Эта публика готова стать приказчиками-плохишами “международного сообщества”, то есть мировых ростовщиков и транснациональных корпораций, не чувствуя, что новые хозяева вышвырнут их за борт, как только осуществят пиратский захват флагмана “Россия”. Впрочем, и в случае, если захвата не произойдёт, их всё равно вышвырнут — это сделает команда флагмана.

— **После Крыма и в ходе украинского кризиса ситуация, кажется, изменилась: с одной стороны, мы видим подъём патриотизма, державных чувств в широких слоях населения, с другой — государство взялось за тех, кто по разным направлениям ведёт против него подрывную деятельность. Достаточно вспомнить закон об “иностранных агентах”, вытеснение ряда НПО, спонсировавших якобы научную, а по сути — пропагандистско-идеологическую деятельность антигосударственного, антироссийского характера (если брать сферу истории, то это очернение нашего прошлого, фальсификация советского периода и т. п.)**

— Да, ситуация, безусловно, изменилась. Украинский кризис выявил не только внешних, но и внутренних врагов России, а власть поняла их опасность для себя и зафиксировала свою позицию. Даже не будучи последовательной, эта позиция сильно напугала прозападную шуштуру, трущуюся вокруг определённых фондов, образовательных и медийных структур и долгое время безнаказанно и радостно поливавших грязью Россию. Однако рано или поздно испуг пройдёт, к тому же хозяева потребуют активизации. По мере развёртывания противостояния “Запад — Россия” наш геополитический противник и его союзники, а точнее — поделники в российском олигархате и истеблишменте попытаются изменить ситуацию на идейно-пропагандистском фронте, вернуть её во времена ельцинщины. Разумеется, для этого нужны новые оргструктуры, кадры.

— **Но ведь если посмотреть на так называемый “либеральный клан”, то с новыми кадрами там бедновато. Крутятся одни и те же люди, сказать которым нечего.**

– Да, бедновато. Скорее всего попытаются слепить нечто новое из не очень засвеченного третьего-четвёртого ряда и такого же по качеству; сварганят из этих троечников зондер-команды для нового тура фальсификации нашего прошлого и настоящего. И делаться это будет под вывеской борьбы против фальсификации, против “централизации” исторического знания, за якобы “многообразие подходов”, за “мультиперспективность”. Только ведь все лживые очернительские схемы уже использованы, вышли в тираж, опровергнуты. Только о якобы “десятиках миллионов жертв ГУЛага”, “о кроважомном Сталине”, о “палаче Берия”, о “тоталитаризме от Грозного до Сталина”, об “агрессивной русской имперскости” – вот всё, о чём способна говорить эта публика... Импотенты они и есть импотенты. На месте их хозяев я бы им гроша ломаного не дал, но, по-видимому, других “писателей” у них нет. Вот и приходится довольствоваться “балетом безногих”, как сказал бы А. А. Зиновьев.

– **Ну, так, может, никакой попытки “исправить стиль” не будет?**

– Обязательно будет. Только теперь спонсором будут выступать не столько западный капитал, его структуры, включая спецслужбы, сколько приказчики западного капитала в РФ – их структуры, фонды, клубы. Коллективный Запад готовится к войне с Россией, к окончательному решению русского вопроса. Как сказал Бжезинский, Запад в XXI веке будет решать свои проблемы за счёт России и в ущерб России. Другое дело, если мы будем сильны, то агрессивные планы так и останутся на бумаге. Однако подготовка агрессии идёт и имеет не только военно-политический и экономический аспекты, но и аспект психоисторической (информационной/концептуальной/смысловой) войны. Психоисторическая война, как правило, предшествует “горячей” и всегда ведётся с помощью “пятой колонны”. Поэтому Запад и прозападные силы в РФ постараются развернуть свои действия на психоисторическом фронте.

Когда-то Сталин заметил, что, по мере продвижения к социализму, классовая борьба будет обостряться, и горбачёвщина доказала верность этого тезиса. Сегодня можно сказать, что, по мере развития противостояния “Запад – Россия”, социальная борьба у нас во всех её видах и, прежде всего, в идейном, концептуальном будет обостряться. Не случайно либерасты намекают на необходимость “слить” Новороссию и замириться с Западом на его условиях, вспоминают конвергенцию и, конечно же, перестройку. Не случайно в информполе вбрасывается идея необходимости “перестройки-2”. Предатели-автофобы 1980-х годов сливаются в экстазе со своими наследниками и вместе варганят лживый манифест, приуроченный к 30-летию перестройки.

Они будут пытаться убедить нас, что разрушение СССР и глобализация – “объективные процессы”, а государственный суверенитет – устаревающая, если уже не устаревшая реальность; что Запад – это идеал, а Россия – отсталая страна. Нам опять будут врать про тяжёлое положение СССР в 1970–1980-е годы, объясняя это пороками социализма, а не тем, что горбачёвщина – классовый союз части советской партийной и гэбэшной номенклатуры и западного капитала – сознательно загнала страну в тупик системного кризиса. На самом деле в 1960–1970-е и даже в первой половине 1980-х годов ситуация в СССР, с одной стороны, и на Западе, в ядре капиталистической системы была весьма далека от того, о чём вещали перестройщики и о чём болтают сегодня их наследники.

– **Удалось прочитать мемуары советских инженеров, которые в шестидесятые годы выезжали на Запад. Там совершенно открыто прогнозировали, что СССР при тогдашних темпах развития обгонит Штаты, но только надеялись, что это не случится до 2000 года.**

– До середины, а то и до конца 1960-х годов люди на Западе, действительно, спорили не о том, догонит ли и перегонит ли СССР США, а о том, когда это произойдёт. Но, по-видимому, именно в конце 1960-х – начале 1970-х годов часть советской верхушки пошла на сделку с определённой частью западной верхушки, разменяв рыбок в будущее на возможность хранить активы на Западе и жить с его хозяевами в мире. Разумеется, возможность была мнимой – очагом, нарисованным на холсте; номенклатурные буратины с их коротенькими мыслями всерьёз решили, что североатлантические верхушки посадят их за один стол, что они искренне обещают интегрировать СССР в западный мир, только без Средней Азии и Закавказья (так проталкивалась идея развала СССР).

Именно на рубеже 1960–1970-х годов в СССР на самом высоком уровне принимается решение об отказе от самостоятельной разработки ряда прорыв-

ных направлений в науке и технике, причём таких, в которых мы уже оставили Запад далеко позади. Обратим внимание: произошло это в очень нужный для Запада момент, когда его лидер, США, переживал худшее десятилетие в своей истории и когда Запад начал сворачивать научно-технический прогресс в большинстве сфер и мог легко оказаться на обочине истории. Именно в этот момент он получил и передышку (“детант”), и отказ советской верхушки от прорывных направлений в развитии науки и техники, то есть от будущего.

– **Если бы мне в 1989 году сказали, в каком тотальном супермаркете я окажусь, то я бы первым убежал оттуда сломя голову. Ведь, скажем так, животное-растительной жизнью советский человек занимался исключительно в домашних условиях, но вот он закрывал за собой дверь, выходил на улицу, и там уже транслировался совершенно другой уровень информации...**

– Вспомним знаменитую фразу бывшего министра образования А. Фурсенко о том, что главный порок советской школы – это её стремление подготовить человека-творца, тогда как задача нынешней (то есть постсоветской) школы, по мнению экс-министра, – вырастить квалифицированного потребителя. Трудно сказать, чего больше в этой фразе – скудоумия, социального дебилизма или культурной маргинальности. Но это не просто фраза; это программа общественного развития, реализация которой превращает Россию в мировую помойку. По-видимому, кто-то хочет стать аристократией этой помойки, сделав главным занятием потребительство. Ради “корзины печенья и банки варенья” в награду за превращение страны в помойку для Запада его местные холии рушат образование, медицину, в конечном счёте – социум. И дело здесь не только в злом умысле; разрушители социокультурно – маргиналы, отбросы советского общества, всплывшие в условиях смуты и поменявшие высших коммунистических начальников на заморских капиталистических. Они в принципе внекультурны и потому не способны оценить ни культуру, ни науку. И нет Сталина, который мог бы научить их этому тем или иным способом.

Именно эта социокультурная маргинальность вкупе со внезапным обогащением не позволяет основной массе так называемой “постсоветской элиты” понять реалии сегодняшнего дня и социальную природу – собственную и Запада, с которым они пытаются играть в разные игры. Эти люди всерьёз полагают, что главное в жизни – деньги. Так же они воспринимают Хозяев Мировой Игры – как Хозяев Денег. Им бы почитать один из лучших политических романов XX века – “Вся королевская рать” Роберта Пенна Уоррена. Герой романа, действие которого происходит в США в 1930-е годы, губернатор Вилли Старк (его прототипом был губернатор Луизианы Хью Лонг, реальный соперник Франклина Рузвельта, убитый в 1935 году) не раз говорит о том, что доллары имеют силу и ценность только до определённого предела, за которым смысл имеет только одно – власть.

Большая часть представителей позднесоветской и постсоветской верхушек полагали, что большие деньги откроют доступ в Клуб мировых хозяев. А им вместо этого – “Уходи-ка ты домой... да лицо своё умой”. И не в том дело, что деньги ворованные, а в том, что, во-первых, не деньги – то единственное, что определяет доступ в Клуб; во-вторых, в Клуб этот чужаков не принимают. Чтобы стать своим, надо иметь определённое происхождение и принадлежать к западному миру и его закрытым структурам в течение нескольких поколений. С этой точки зрения ясно, насколько наивны представления той части нынешней элиты, которая рассчитывает – после сирийского и украинского кризисов – замирииться с Западом, полагая, что это временные проблемы, связанные с борьбой за активы. Не в активах дело. Наше противостояние с Западом носит не гешефтно-денежный, а метафизический характер – “Мы для них чужие навсегда”, как пел Вертинский. Но маргиналам со скачущими перед глазами цифрами долларов этого не понять: “рождённый ползать летать не может”. Аристотель с его “физика, бойся метафизики!” был прав. Да разве его услышат... Впрочем, “физикализация” наших верхов началась не в 1991 году, а значительно раньше, в 1960-е. Горбачёв и Ельцин – близкая к финишу стадия этого процесса, стадия метастазирования властно-социального организма под названием “СССР”.

– **Задам вопрос о Ельцине. Если на словоблудие Горбачёва ещё можно было повестись, поскольку в прямом эфире тогда оно казалось чуть ли не новым словом в истории, то хорошо помню, как у меня, вчерашнего школьника, вызвала инстинктивное отторжение фигура Ельцина**

и поражала реакция на него людей старшего поколения. Ведь элементарно на слух можно было понять, кто перед нами. Как тогда Вы воспринимали фигуру Ельцина?

— У меня произошло наоборот. Горбачёва с самого начала я воспринимал как малограмотного болтуна-фуфлогона — достаточно вспомнить глупую улыбку, пустые глаза и перманентный словесный понос. Ельцина первое время я воспринимал на фоне Горбачёва и по контрасту с ним. В отличие от Горбачёва, у Ельцина всё же была самость, но самость звериная, нередко дурная-самодурная, и это выявилося довольно быстро. Горбачёва и Ельцина объединяет одно — готовность выхолуиваться перед начальством. Сначала это были вышестоящие партийные начальники и гэбэшные кураторы, затем — заокеанские президенты и их советники. Горбачёв и Ельцин — классический пример продуктов разложения партноменклатуры, системы. И не случайно именно эту гниль цапнули корпоратократы — советские и западные. Помните, как у Булгакова: Воланд и К° властны только над теми, кто тронут социальной гнилью. Пока правящий слой РФ не даст моральную и политико-правовую оценку горбачёвщине и ельцинщине как предательству национальных интересов, пятно этих явлений будет продолжать омрачать нашу жизнь.

— Есть известное изречение Петра I о том, что мы должны взять от Запада всё лучшее и повернуться к нему задом. Скажем так, что-то на данном этапе пришлось ко двору — сфера услуг, сервис, быт. Не настало ли время для решительного претворения в жизнь второй части петровского тезиса? В принципе, президент такую решимость демонстрирует давно...

— Этой решимости явно не хватает последовательности. Но это субъективный аспект дела. Ещё более серьёзен объективный, а точнее — системный. За последнюю четверть века у нас сформировались целые социальные и профессиональные группы или даже слои, паразитирующие на том типе компрадорских отношений с Западом, который возник в период ельцинщины и окончательные очертания принял в первое десятилетие XXI века. Причём слои и группы не только в экономике, но и в том, что выполняет у нас функцию политики, а также в СМИ, в шоу-бизнесе. Даже в обществоведческой науке возникли группы, специализирующиеся на пересказе-трансляции западных схем и навязывании их нашей реальности. В целом ряде учебных заведений эти компрадоры, плохиши от науки, задают тон, загаживая мозги студентам и подготавливая окончательную интеллектуальную капитуляцию нашего общества перед Западом. По сути, эти люди дистанционно уже обслуживают транснациональные корпорации. Показательна их реакция на Крым, на украинский кризис. Иными словами, в нашем социуме оформился сегмент “чужих”, нормальное функционирование которого требует разрушения нашего социума, наших традиционных ценностей, норм, нашей этики и эстетики, требует расчленения страны и установления политико-правового решения. Нельзя позволить социальному раку распространять свои метастазы. Вот это и будет реализацией тезиса Петра I.

— Сегодня граждан РФ окружён таким количеством бумажно-формальных обязательств в виде анкет, страховок, полисов, собеседований, что недавняя его жизнь покажется просто верхом свободы. По словам покойного А. Панарина, вся нация находится под подозрением, то есть большинство её живёт на правах квартирантов в собственном доме. Сверхактуализация профессий юриста и особенно адвоката, целая отрасль услуг “психологов”, где через одного тебя встречают желторотые юнцы, а то и просто тёмные личности. Ведь раньше все ответы мне могла дать и давала литература. Как русская, так и мировая. Хороший текст и выслушает тебя, и придёт на помощь. Это к вопросу о понимании степени важности преподавания литературы с младых ногтей. Трудно себе представить, чтобы я за деньги стал доверять непонятно кому решение своих проблем. Понятно, что такая всеобщая калькуляция отношений противна русскому человеку. Можно себе представить, что стало бы, если бы в дикой природе животные вдруг начали калькулировать свою жизнь. Ведь фактически сегодня наш социум отчасти отражает эту фантастическую картинку. Если Вы пишете, что сегодня суперэлита мира для самосохранения надеется с 5-6% сократиться до 2-3%, то и она понимает свой невесёлый финал. Вообще, Андрей Ильич, насколько хорошо капитализм знает сам себя, так сказать, изнутри? Ведь он фактически постоянно сталкивается с вызовами, которые сам и провоцирует.

– В этом вопросе сразу несколько важных тем. По порядку. Первое. Нынешний – постсоветский – человек действительно находится под значительно более плотным контролем, чем человек советский. Жёсткий советский контроль, который сильно размягчился уже в 1960-е годы (да и раньше жёстким был скорее внешне – его не сравнить с железной хваткой контроля при капитализме), можно было обмануть. Разумеется, и сегодня можно сработать по схеме “а бумажечку твою я махорочкой набью”, но это сложнее. Человеку всё больше противостоит бездушная квазиамериканская машина с привкусом российского хамства. В этих условиях наши юристы, адвокаты, психологи – в той же мере не те, кем называются, что и рынок – не рынок. Лица этих профессий выполняют в нашей реальности, в этом самовоспроизводящемся процессе разложения позднесоветского общества совсем иные функции, чем их коллеги на Западе.

Второе. Да, мы литературоцентричная страна, и отмена сочинений в нашей школе – культурно-психологическая диверсия. Сегодня сочинение возвращается, но последствия разрыва сразу устранить не удастся.

Третье. Есть классовый барьер восприятия реальности, в том числе и у буржуинов. В то же время в капиталистической системе два контура не только власти, но и знания. Есть “наука” – история, социология, политология и т. д. – для профанов, ей профессора-филистеры обучают будущих социальных лохов в университетах. Я называю эту науку профессорско-профанной, именно она хлынула к нам в 1990-е годы. Именно её транслируют постсоветские компрадоры от науки, пересказывая чужие (то есть выражающие чужой классовый, геополитический и цивилизационный интерес) теории и пытаясь навязать их нашей реальности. Это не так безвредно, как это может показаться на первый взгляд. Всё это внешний контур. Но есть внутренний контур знания – “наука для своих”, скрытое знание о природе, о мире, об обществе, его реальных субъектах и закономерностях развития.

Четвёртое. Капитализм не может не провоцировать те проблемы, с которыми сталкивается. Реальность сегодняшнего дня такова, что он, а точнее – его хозяева перестали справляться с этими проблемами и контролировать их. И это их уязвимое место, которое историческая Россия должна использовать, расквитавшись за 1991 год.

– Андрей Ильич, Вы, пожалуй, сегодня чуть ли не единственный публицист, который рассматривает социальные катаклизмы в неразрывной связи с теми процессами, которые происходят в культуре. Для Вас, как Вы заметили, сегодня это пространство напоминает зону питекантропов. Елена Камбурова точно подметила, что если бы за спиной была пустыня, то особые вопросы тогда бы не возникло. Но когда буквально вчера жизнь была наполнена совсем другими звуками и красками, то тебе вдвойне труднее понять, как быстро такое падение могло произойти.

– Ответ прост: это не вполне естественный процесс, это процесс направляемый. Насыщенное советское прошлое нам пытаются представить пустыней, пустотой. А как только начинают пытаться с ним тягаться, получается неприличный звук. Достаточно посмотреть ремейки “Ирони судьбы” и “Джентльменов удачи” – ведь убожество. Достаточно сравнить советскую эстраду с нынешней как по качеству музыки, так и по качеству исполнителей, всё становится ясно: двоечники (в лучшем случае троечники), бездары и дельцы на марше.

– Действительно, даже лёгкие жанры советской музыки превратились сегодня просто в недостижимые вершины. В итоге повсеместно мы имеем – пришло время называть вещи своими именами – смесь дремучего шоу-бизнеса с художественной самодеятельностью. Причем самодеятельностью самого низкого пошиба.

– А чего можно ожидать от гешефтмахеров и дельцов – даже очень крутых? Куда им до уровня Дунаевского-старшего и Бабаджаняна, Петрова и Крылатова, Зацепина и Паулса?! Вообще популярная музыка – это важнейший социальный индикатор, показатель здоровья или нездоровья общества. Мой отец, молодость которого пришлась на 1930-е, на мой вопрос о тех годах ответил так: “Слушай музыку того времени. В атмосфере страха такая музыка невозможна”. И это при том, что отец был критиком Сталина и его системы и уже в конце 1930-х знал многое из того, о чём большинство узнало лишь после 1956 года. Действительно, трудно представить, что “Широка страна моя родная” написана и – самое главное – принята народом как своя, кровная

в атмосфере страха. И, с другой стороны, какова же должна быть общественная атмосфера, породившая песни 90-х и нулевых про “кусочки колбаски” и “юбочки из плюша”?

– Следующий мой вопрос принципиален для меня как зрителя, читателя и слушателя. Первое – это то, что искусство сегодня не становится частью моей (и, думаю, не только моей) биографии. Свою жизнь до 1990 года я могу рассказать по событиям, абсолютно не касаясь личной биографии, год – книга, год – кинофильм, год – музыкальная премьера... А за последние 25 лет мне, по большому счёту, нечего вспомнить из того, что останется со мной. И ещё: трудно представить жизнь сегодняшних “мегасуперпуперзвёзд”, которая оформится во времени в книгу. Я точно знаю, что лет через двадцать не куплю биографию, скажем, Евгения Миронова, при том что ему не откажешь в таланте, хотя я готов был отдать последние три рубля за книжку об Алисе Фрейндлих. Нет ни национальных событий, ни, следовательно, национальных явлений. Ведь даже такие уважаемые имена, уже, кстати, не совсем молодых людей как Нетребко, Цискаридзе, Мацуев... – это то, что связано исключительно с классическим искусством. Мало того, что не видно творческого напряжения, за что я, прежде всего, и платил деньги, покупая билет на концерт или пластинку в советское время. Было инстинктивное чувство, что без этого запала и горения не было бы никаких билетов и никаких пластинок... Сегодня – не просто ноль градусов, но минус пятьдесят по Цельсию! Как мало надо времени, чтобы люди променяли творчество на купюры. Опять-таки испытываешь состояние ступора от того, что то, на что раньше бы брезгливо поморщился, теперь дорого продаётся. И что окончательно добивает – оно покупается! XX век ставил заповедные задачи, чтобы через сорок-пятьдесят лет оставить художника исключительно перед искушением и соблазнами. Точно сбылось пророчество Энди Уорхола, что в XXI веке каждый будет знаменит 15 минут. Да, после 1991 года не стало соревнования, важного в культуре так же, как и в экономике и в политике. Только ли это сыграло свою роль, ещё раньше?

– Дело, конечно же, не только в соревновании. Речь должна идти об общей деградации культуры и искусства – сначала на Западе, а в 1990-е годы этот процесс и до нас добрался. А здесь его углубили и расширили персонажи – продукты разложения советской системы, вся эта культур-буржуазия, ненавидевшая народ, советский строй и готовая шестерить перед новыми хозяевами, старательно не обращая внимания на сильный криминальный душок. В результате на экраны ТВ, сцены театров (даже очень больших), на страницы газет вылезли экскременты советской системы, то, что эта система, даже в ослабленном своём состоянии, не пускала на свет, а ныне крысы вырвались из подполья, и необходим Дудочник, который уведёт их куда следует. Уорхол оказался прав не только для Запада, но и для западоподобной части России.

О каком творческом запале можно говорить в условиях, когда доминанта – бабло: “Сатана там правит бал...” Причём условия эти лишь отчасти носят стихийный характер, ведь рынок – это не самостоятельная сила, да и нет никакого рынка. Есть диктат заинтересованных групп, закамуфлированный под рынок. Вот и получается, что функцию литературы начинает выполнять антилитература (акунины-донцовы), культуры – антикультура (от “Дом-2” до версии “Руслана и Людмилы” в “режиссуре” Д. Черныкова); о кино, эстраде и театре я вообще не говорю. Короче говоря, тень перестала знать своё место, на марше “живые мертвецы”, симулякры.

– Так называемыми симулякрами наш социум пронизан повсеместно. В общественной жизни, политике, которая превратилась в разнovidность шоу, спорте, СМИ... Тонны периодической макулатуры, которая не решает никаких задач, лишь иногда обозначает проблему. И то в лучшем случае. Кстати, Вы пишете о резкой деградации периодики. Такой междусобойки во всех сферах. Как мудро заметил Ю. Мухин, футбол существует исключительно для одной цели – доставить удовольствие болельщику. Всё! А вся эта атрибутика, гонорары, контракты, франшизы меня не должны волновать абсолютно.

– К сожалению, футбол, хоккей и вообще Большой спорт у нас уже четверть века как минимум существуют в качестве бизнеса, а также шоу, отвле-

кающего от насущных вопросов жизни. На Западе этот процесс стартовал на рубеже 1920–1930-х годов. Об Англии того времени Дж. Оруэлл заметил, что если бы не пабы, радио и футбол, то в стране могла бы произойти революция. Лет 35–40 назад на Западе произошла полная “бизнесизация” спорта. И кино как искусство почти закончилось, достаточно сравнить американское и французское кино 1950–1970-х годов с тем, что пришло позже. То же у нас: кино 1950–1970-х годов и нынешнее. Страсть к ремейкам ведь не случайна – хочется настоящего, есть тяга, но нет потенции, большие деньги на неё плохо влияют, а местечковым междусобойчиком, как ни пыжесь, настоящее искусство не заменишь. Параллельно с “бизнесизацией” развивается криминализация спорта и кино. Во что мафии вкладывают средства? Чего стоит одна лишь история попытки второй половины 1990-х – начала нулевых годов создать европейскую футбольную суперлигу как средство отмыва наркоденег. Ну и, наконец, необходимо сказать о нарастающей роли мракобесия и оккультизма, которые проникают даже в научную среду, в сферу научно-популярной деятельности и литературы. Несколько лет назад, участвуя в чтении памяти одного замечательного советского астронома, я был поражён тем, что среди докладов были доклады и на оккультные темы, а в перерыве в фойе большой спрос оказался на бюллетень самиздатского типа “Потусторонние новости”.

Всё это – показатель кризиса, разрухи в головах.

– Но ведь, например, 1920-е годы тоже были кризисом, а ситуация была совершенно иной. Вы определяете “длинные двадцатые годы” (1914–1933) как феномен в искусстве и общественной мысли прошлого века. Переваривать пришлось ещё долго... Сегодня же, например, вновь открывая для себя подзабытые кладовые советской поэзии, испытываешь опять же чувство сравнимое с потрясением: стихи В. Луговского, Н. Асеева... выглядят просто образцами и шедеврами (такими и останутся!) на фоне сегодняшнего шума, где уже не до поэзии. Что интересно, все они становились творчески зрелыми в молодые, даже юные годы. Они начинали в те же 1920-е и почти сразу стартовали как мастера. И ещё – какая внутренняя, просто искрящаяся свобода! А зрелость лиц... Кстати, ту же эволюцию советского, скажем, артиста, я мог проследить или хотя бы почувствовать просто по биографическим фотопортретам, даже не по киноролям и спектаклям. Я не встречал в старых подшивках газет и журналов ни одной фотографии, где бы советские звёзды позировали. Это всегда взгляд исключительно внутрь себя, сквозь объектив. И попадая вовнутрь библиотечного фонда недавнего прошлого, чувствуешь себя жителем другой планеты. И это не ностальгия, про которую мне кричат в оба уха. Просто кожей чувствуешь, что воруют не у тебя, а воруют тебя самого. На Ваш взгляд, настоящая оценка советского проекта ещё ждёт своего часа? Хотя Вы говорите, что реставрировать ничего нельзя, но ведь можно, не уходя далеко, взять с собой самую суть?

– Кризис кризису рознь. “Длинные двадцатые” были структурным кризисом капитализма, из которого он вышел обновлённым. То был кризис обновления. Кризис конца XX – начала XXI века – системный, за ним у капитализма не наступит никакого обновления. Всё, занавес. И Россия с разрушением СССР в полной мере в этот кризис вползла.

...О том, что советские звёзды не позировали. Начать с того, что выдающиеся советские актёры и певцы не называли себя звёздами, да и на фотографиях смотрелись не позёрами. Позёрство – способ существования бездарей и самозванцев, главная цель которых не самореализация (реализовать нечего), а погоня за деньгами и славой.

– Мир так устроен, что всегда будут люди, которым нужно чуть больше денег, чуть больше комфорта и удовольствий. Понятно, что сегодня в России рынок не рынок, капитализм не капитализм... Кстати, сегодня известно, что Сталин в начале 1950-х годов, когда страна уже восстанавливалась, повсеместно вводил формы поощрения за рост производства – так называемый метод повышения эффективности (МПЭ) – и, как следствие, – резкий рост в те годы артелей и частных производителей. Насколько возможно учесть интересы всех и какая степень и форма частной собственности возможна в России, если, конечно, она возможна вообще?

– Вы правы: у нас нет ни рынка, ни капитализма. У нас процесс первоначального накопления (то есть передел собственности) постоянно подсекает капиталистическое накопление. Я рад, что Вы вспомнили МПЭ; этот факт

лишний раз свидетельствует о том, что Сталин был великолепным социальным инженером. Что касается частной собственности, то в России на протяжении почти всей её истории частной собственности либо не было, либо она не работала, либо приобретала, главным образом, уродливые формы, как в конце XIX — начале XX и в конце XX — начале XXI веков. Вообще нужно сказать, что частная собственность — довольно редкое явление. Оно возникает с разложением западноевропейского феодализма (собственно, никакого другого и не было) и расцветает при капитализме. Азиатские (Китай, Индия, мир ислама) и античные социумы частной собственности, по сути, не знали — природно-хозяйственные и исторические условия такого типа собственности не требовали. Более того, как и ростовщичество, этот тип собственности нес им смертельную угрозу. Недаром частная собственность на Западе развивается как элемент “цивилизации ссудного процента”. Но даже на Западе, если брать верхушку мирового капиталистического класса, деньги определяют далеко не всё — на определённом уровне физические деньги превращаются в метафизическую, нередко оккультную (но не религиозную!) власть. Последняя в качестве второго контура как бы вынесена за рамки системы — по принципу злого духа из “Шахнаме” Фирдоуси: “Я здесь и не здесь”.

Россия в плане развития частной собственности (не путать с семейно-обособленной) относится к мейнстриму планетарного развития, а не к западному (капиталистическому) “выверту-извращению”. Относительно невеликий по объёму совокупный общественный продукт (результат хозяйственной деятельности русских в зоне рискованного земледелия евразийского неудобья), огромные пространства (транспортные издержки), постоянные войны на три стороны света — всё это делало собственность (не частную собственность, а собственность вообще) в русской системе жизни вторичной, производной, функциональной по отношению к власти. А само общество приобретало служебный характер. Развитие в таком типе социума частной собственности, не говоря уже о капитализме, есть показатель не прогресса, а регресса и упадка. Что и происходило у нас в конце XIX — начале XX века. При том, что частнособственнический слой позднесамодержавной (пореформенной) России был невелик, этого вполне хватало для нарастания кризиса. Ведь жил этот слой по потребностям верхушек буржуазного Запада с его индустриальной и мощной аграрной основой, а не по потребностям, которые могла удовлетворить русская система хозяйства. Западоидность российской верхушки может обеспечиваться только одним — усилением эксплуатации и разорением основной массы населения, что и повторилось в 1990-е — привет позднему самодержавию! Частная собственность и капитализм в России и для России — это всегда показатель серьёзной социальной болезни.

Показательно ещё одно: сегодня частная собственность постепенно отмирает — вместе с капитализмом — на самом Западе, на её место приходит корпоративная и иные формы нечастной собственности.

— **В книге “Холодный восточный ветер Русской весны” Вы пишете, что нам предстоит пережить трудные, возможно, даже кровавые ближайшие 10–15 лет. Можно ли провести прямую линию причинны Грозный — Сталин, которую вы исследуете, к Путину?**

— Нет. Путин не демонстрирует не только опричнину, но даже волю или склонность к ней. Пока что линия “Грозный — Сталин” заканчивается на Сталине; его, как и Ивана Грозного, характеризует определённая позиция. В то же время разрешить главное противоречие путинского курса — между противостоянием с Западом, нежеланием медведя отдать кому-либо свою тайгу, с одной стороны, и продолжением чубайсовско-кудринской вариации неолиберальной экономической политики, с другой — невозможно без чего-то похожего на (нео)опричнину. Экономическая политика последней четверти века сделала постсоветскую Россию типологически весьма похожей на царскую Россию начала XX века (социальная поляризация, сырьевая специализация, слабая социальная база власти), опасно похожей, я бы сказал.

— **Стоит сравнить видеокadres президента, скажем, 2001 года и года 2013-го, мы увидим, что перед нами два разных человека. Невероятный, колоссальный прогресс политика...**

— Да, Путин прибавил — жизнь заставила. О нём можно сказать словами Николая Заболоцкого: “Как мир меняется! / И как я сам меняюсь! Лишь именем одним я называюсь”. Путин выглядит существенно сильнее западных так называемых “лидеров”, которые на самом деле всего лишь высокопоставлен-

ные клерки-марионетки, пляшущие под дудку своих хозяев. Но ведь сила Запада не в этих марионетках и даже не столько в экономической мощи, сколько в организованном в два контура власти – закрытый и открытый – правящем политико-экономическом слое коллективного Запада. При всех противоречиях его кланов, его двух основных сегментов – англо-американского, спянного, помимо прочего, еврейским капиталом, и немецко-североитальянского, завязанного на Ватикан, – это единое целое с по сути общей взаимопереплетённой собственностью, которую контролирует ограниченное число семей, корпораций и фондов. Эти люди действуют не по принципу “нравится – не нравится”, а раз так, то стараться понравиться им бесполезно, они признают только силу, поэтому до сих пор их так пугает Сталин, этот испуг дорогого стоит, он – высшая форма признания и высокой оценки на Западе всего, что относится к России.

– **У России есть сегодня реальные союзники?**

– Тактические, возможно, есть. Стратегических и тем более метафизических нет. Да нам и не надо. Будем сильными – сами справимся, а слабых сами же союзники (или, как их называют сегодня, “партнёры”) и сожрут, предварительно ударив ножом в спину. Длительные союзы возможны лишь на основе комбинации экономических интересов, цивилизационного сходства и этнического родства. Как, например, британско-американский союз при всех его противоречиях, которые в 1930-е годы стали главной причиной Второй мировой войны, – сегодня этот факт активно затушёвывается, всё внимание фокусируется на Третьем рейхе и СССР.

– **То есть для успешного союза важен фактор крови?**

– Не всегда, но нередко. Не случайно, что именно англосаксы, прежде всего британцы, разработали в конце XIX – начале XX века основные расово-евгенические теории, которые на практике реализовали нацисты в Третьем рейхе. Так же, как когда-то на рубеже XVII–XVIII веков английская/британская элита разработала геокультурный вирус, психооружие под названием “Просвещение” и сбросила его во Францию. Сбросила для того, чтобы идейно подорвать Францию, духовно обезоружить её правящую элиту в борьбе с Великобританией, размягчить и опрокинуть, что и произошло в конце XVIII века.

У немецкого нацизма не только германские, но общеевропейские, особенно британские корни (достаточно почитать, кроме учёных, таких авторов, как Киплинг и Уэллс с его “новым мировым порядком” и “открытым заговором”). И в этом плане поднимающая голову реабилитация нацизма сегодня на Западе – явление не случайное, достаточно посмотреть, что делалось в Европе в 1920–1930-е годы, какие в основном режимы были у власти. Да и нынешний Евросоюз ведь сшит по лекалам гитлеровского евросоюза. Именно распространённый на большую часть Европы Третий рейх во многом стал моделью нынешнего Евросоюза, как бы ни пытались это отрицать его создатели. Я уже не говорю о роли немцев в создании и развитии ЕС.

– **Первая мировая война и сегодняшний день – есть ли здесь прямые или косвенные параллели?**

– Прямых параллелей нет. Косвенные есть, особенно если вспомнить, что Первая мировая война была организована глобалистами по обе стороны Атлантики для того, чтобы сокрушить четыре империи – одну евразийскую, две европейские и одну азиатскую. Причём сделать так, чтобы евразийская и европейские империи сцепились в смертельной схватке. Главной задачей войны было уничтожение англосаксами Германии и России силами самих же этих государств. До конца не вышло, и понадобилась Вторая мировая война, в которой США преследовали цель не только уничтожения Германии, но и разрушения Британской империи, что и было сделано. Что касается нынешней ситуации, то при всей поверхностности исторических аналогий она напоминает мне ту, что сложилась в канун Крымской войны в середине XIX века, когда Россия стала объектом агрессии коллективного Запада; в роли провокатора выступала Османская империя, сегодня эта роль отводится украинской элите. Ясно также, почему украинский кризис случился именно сейчас. Три года назад Дж. Фридман, организатор и первый руководитель “Стратфора”, известного как “частное ЦРУ”, заявил: как только Россия начнёт подниматься, она получит кризис, и этот кризис произойдёт на Украине, поскольку ни один американский президент не может позволить себе спокойно взирать на восстановление Россией утраченных позиций.

– **Известная фраза Клинтона: “Мы позволим России быть, но мы не позволим ей быть сильной...”**

– Да, это было сказано в 1995 году о дышащей на ладан ельцинской “Россиинии”. Однако события стали развиваться иначе. Это стало ясно и по войне 08.08.08, и по тому, что Путин пошёл на третий срок, и по сирийскому кризису. В ответ империя – США – нанесла ответный удар. На Украине.

С учётом острого экономического кризиса США и Евросоюза понятно, что у коллективного Запада не более 3–5–7 лет на окончательное решение русского вопроса. Именно эти годы станут для нас решающими. Интересную статью написал не так давно суперспекулянт Сорос. В ней он потребовал от Европы срочно помочь Украине, дав ей 24 млрд долларов, подчёркивая, что поражение Украины будет означать конец Евросоюза, поскольку его недавние новые члены, такие, например, как Чехия, постепенно будут разворачиваться в сторону Евразийского союза, и в итоге не исключено создание социалистического блока новой формации.

Кстати, Киссинджер оказался прав, говоря о том, что не надо сильно давить на Сирию, иначе есть риск потерять все завоевания последних двадцати с лишним лет. События на Украине полностью подтвердили его опасения. Для Запада это настоящее поражение за последнюю четверть века. Очень важно, что последний год оказался годом победы государственных СМИ над “пятоколонными”. По сути, остались маргиналы эходождового типа и кучкующаяся вокруг них публика определённого сорта. Заявления персонажей типа Акунина и Троицкого, что нужно валить из России, тоже о многом говорят. Такие, как они, понимают, что ничего хорошего их здесь не ждёт, и это радует.

– **Вы ввели термин “корпорация-государство”. Западная элита стремится к своей конечной цели в борьбе за мировое господство, под которым подразумевается размытие мировых границ и самое главное – исчезновение национальных государств. И эта яма уже вырыта достаточно глубоко. Судя по развитию этого сценария и Вашим выводам, наша цивилизация может оказаться на пороге окончательного краха. Это конец всему...**

– Это, прежде всего, конец капитализму. Поскольку европейская цивилизация, тесно связанная с капитализмом, но им же и его хозяевами и подорванная, неспособна сохранить свою идентичность – историческую, социокультурную, религиозную, расовую, – то колокол звонит и по ней. Парадокс, но последним оплотом европеизма и христианства в Европе (Евразии) остаётся Россия. Даже в своём раздолбанном состоянии это более здоровое общество, чем США или Западная Европа. Я жил в США и во Франции, бывал и бываю в Великобритании и Германии, свидетельствую: это большие общества с ярко выраженной волей к цивилизационной смерти. Закат Европы в Лунку Истории состоялся. Но ошибаются и те, кто рассчитывает на приход светлого будущего с Востока – из Китая, Японии, Индии. Это всё те же очаги глобального человеичника, для которых характерны жесточайший социальный контроль, растворённость индивида в социуме и – часто – отсутствие социальной справедливости. Экономический рывок этих гигантов связан с жесточайшей эксплуатацией низов верхами, небывалым ростом социально-экономического неравенства; так что не надо бросаться из одной крайности в другую, превознося олигархические же страны БРИКС и мифологизируя Восток – и якобы капиталистический (Япония) и якобы социалистический (Китай). Вместо капитализма и социализма там свои системы – китайская, японская, индийская. Они не менее чужды нам, русским европейцам, чем западная капиталистическая, уже почти убившая Европу европейскость.

Что же касается ямы, которую роет мировая верхушка, то в соответствии с тем, что Гегель называл “коварством истории”, у неё все шансы туда попасть, особенно если ей помочь.

– **Вы должны быть очень неудобным историком и публицистом для многих ваших коллег и уж тем более для оппонентов. С другой стороны, Вы везде – Америка, Европа, Япония, Индия. И в то же время Селигер, Питер, Сибирь, Крым. Скажите, Андрей Ильич, Вас боятся или этим товарищам просто нечего вам ответить?**

– Мне трудно судить. Бояться меня вряд ли есть причины. Что касается критики, то дело в следующем: то, о чём я пишу, представляет собой цельную систему как методологически, так и содержательно. Нельзя выхватить один сегмент и подвергнуть его критике, цеплять нужно систему в целом –

метод, логику, факты. Свою систему я разрабатывал с середины 1980-х годов, она неплохо структурирована и эшелонирована, хотя, как любая интеллектуальная система, не лишена противоречий и недостатков, над устранением которых я работаю. Кстати, конструктивная внешняя критика — огромное подспорье в такой работе, но подобного рода критика — большая редкость, поскольку требует освоения потенциальным критиком твоей системы, а это труд, причём безденежный. А вообще нужно не думать о своём удобстве или неудобстве для оппонентов, а двигаться своим путём и получать удовольствие — от него и от жизни. Точнее, наоборот, — от жизни и от пути: как говорили древние, *primum vivere, deinde philosophari* — прежде жить, а уж затем философствовать. Кстати, чтобы философствовать, надо знать жизнь. К сожалению, немало научных “трудов” не имеют никакого отношения к реальной жизни — так, *игра в бисер*, забавы взрослых шалунов, мышьяная возня грантоедов, пересказ оторванных от жизни теорий и подмена ими реальности.

— ***И последний вопрос. Книги издаются, Ваши работы в периодике появляются регулярно плюс интернет. Вы говорите очевидные вещи, идеи просты и понятны, бери и пользуйся. Удивляет, что нет реакции, как говорится, с самого верха. На этот же вопрос С. Г. Кара-Мурза мне ответил предельно коротко и ясно: “Им не до этого”.***

— Дело не только в этом. В любой системе существует классовый барьер, предел адекватного восприятия реальности. Чем больше та или иная теория или просто работа задевает классовый интерес, тем меньше её слышат, эта информация либо отбрасывается, либо просто не воспринимается — шум и более ничего. Мой незабвенный учитель Владимир Васильевич Крылов говорил: нельзя (так как бессмысленно) отвечать человеку на вопрос, который перед ним не стоит. Ну, а отвечать на вопрос, который он не желает видеть, ещё более бессмысленно.

Вы говорите — идеи просты, бери и пользуйся. Но ведь для этого нужно выпрыгнуть из своей классовой шкуры, иметь мотивацию и интеллект. Иначе ведь этой идеей — а идеи штука материальна! — и по лбу можно получить. Ну и, наконец: брахманам — брахманово, кшатриям — кшатриево, а шудрам — шудрино. *Рождённый ползать летать не может.* И зачем ползуну рецепты и средства полётов? Здесь другие рецепты в цене: как ловчее уткнуть хрюкальник в корыто. А ведь за всё придётся платить. “Наказания без вины не бывает”, как говаривал блаженный Августин — хоть и не наш человек, а верно. Нашей “верхотуре”, по-видимому, очень симпатична царская Россия. Странно, что они не додумывают свою симпатию до конца, словно не зная, чем она кончила — по “Предсказанию” Лермонтова: “...явится мощный человек, / И ты его узнаешь — и поймёшь, / Зачем в руке его булатный нож”.

Беседовал А. Н. Васильев